БАЛТО-СЛАВЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И
СОТРУДНИЧЕСТВА

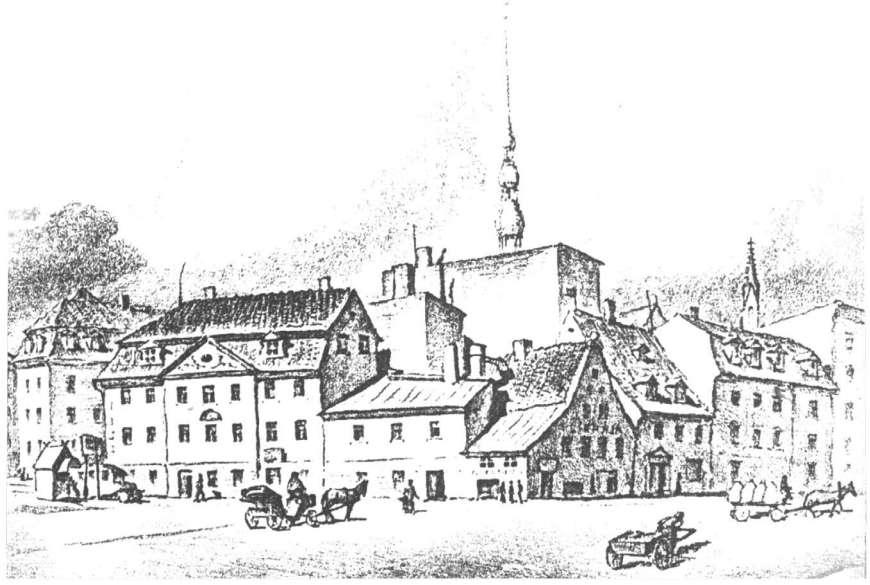
СЕКРЕТАРИАТ МИНИСТРА ПО
ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ ПО ДЕЛАМ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ОНИ БЫЛИ ГИМНАЗИСТАМИ...

БАЛТО-СЛАВЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И
СОТРУДНИЧЕСТВА

СЕКРЕТАРИАТ МИНИСТРА ПО
ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ ПО ДЕЛАМ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ОНИ БЫЛИ ГИМНАЗИСТАМИ...



2008

Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества (БСО) – одно из старейших культурных обществ Латвии, основанное в1989 году.

В рамках деятельности БСО разработаны программы, главная задача которых – развивать и укреплять культурные связи между разными народами, знакомить Латвию с традициями и культурными ценностями русского народа, популяризировать культуру разных народов Балтии среди русского населения.

С 1989 г. БСО ежегодно организует традиционные встречи выпускников довоенных русских гимназий. Выпускники Ломоносовской, Правительственной и частных гимназий Тайловой и Лишиной не без гордости называют себя «старыми русскими» – настоящими интеллигентами, хранителями духовных и культурных ценностей. По словам выпускницы Правительственной гимназии 1937 года М. В. Салтупе, «... мы родились в то время, когда над Латвией ярко сияло созвездие трех культур – латышской, русской и немецкой».

Выпускники русских гимназий тех лет настолько совершенно владели и латышским, и немецким языками, что, поступая в университет, без труда выдерживали конкурс по 5-10 человек на место.

На традиционных встречах «старые русские» неизменно самыми теплыми словами вспоминают своих преподавателей – В. В. Преображенского, Е. Е. Климова, Г. И. Тупицына и многих – многих других. Встреча довоенных выпускников в 1997 г. была посвящена 100-летию со дня рождения профессора В. В. Преображенского, а в 2001 г. отмечали 100-летие учителя и художника Е. Е. Климова, известного мастера, одного из лучших живописцев Канады, который в довоенные годы преподавал историю искусств и рисование как в Ломоносовской, так и в Правительственной гимназиях.

Среди выпускников – композитор и дирижер Ю. В. Глаголев, профессор Б. Ф. Инфантьев, искусствовед Л. А. Рудзите, географ Г. Ф. Николаева, филолог В. В. Мирский, и многие другие...

Все эти годы координатором встреч являлась выпускница Правительственной гимназии 1938 года, член правления БСО, инженер Ираида Васильевна Горшкова, а ее фотографии – уникальная летопись этих встреч и архива БСО.

Несмотря на выпавшие на их долю испытания, довоенные гимназисты и гимназистки пронесли через всю жизнь честь и достоинство русского человека, благородство души и любовь к своей родине – Латвии.

В этот сборник вошли воспоминания о тех, с кем нас свела судьба...

Благодарим за финансовую поддержку Секретариат министра по особым поручениям по делам общественной интеграции и руководство дома Рейтерна, любезно предоставлявшее свои помещения для наших встреч.

Авторы проекта: руководители БСО Е. Ярошевская, М. Стетюха

Художник: С. Наркевич

Из дневника историка
Татьяны Ильиничны Павеле (урожд. Асташкевич)

Мне бы никогда и в голову не пришло писать «мемуары» или даже дневник, если бы моя внучка Тата не подарила мне очень красивую тетрадь...

Я уже достигла и даже переступила «патриарший» возраст. Сколько еще Бог продержит меня на этом свете, только Ему одному известно. И вот я решила, что должна написать хотя бы о своем детстве и ранней молодости (если успею, конечно)...

Часто, когда я ворчу на современное житье-бытье, внуки успокаивают меня, говоря: «Сейчас другое время и мораль другая». Я же думаю, что устои морали постоянны и веками остаются неизменными...

Себя я помню примерно с трех лет. Жили мы в то время в школьном доме поселка Голышево Лудзенского района. Туда еще в 1912 году был направлен учителем мой отец, и в эту же школу удалось ему вернуться и после Первой мировой войны. Школа расположена на самой границе – за рекой Россия. Здание школы стоит на краю проезжей дороги (большака), напротив – церковь, а у самой речки – дом священника. На лугу у речки мы с мамой собирали цветы.

Со стороны церкви – площадка, где у пограничников проходило вечернее построение. Мне эта процедура очень нравилась: красиво стоял строй, пели вечернюю молитву, исполняли государственный гимн... В конце строя (если не было дождя) пристраивались две трехлетние девочки – я и дочь священника Верочка с руками «под козырек» – хотя козырька, как такового и не было: на голове у меня была белая панамка с красным кантиком. Как-то мы с Верочкой заигрались и, опаздывая к построению так побежали, как только ноги несли. Я еще забежала домой за шапкой с криком: «Где моя ляпа?» (очевидно, язык мой был еще совсем детским). Об этом мне потом рассказывала мама, а также и том, что пограничники не начинали вечернее постороение без нас. Начальник говорил: «Дамы немного опаздывают сегодня, подождем...». Конечно же, над этим все долго смеялись...

Очень ярким в моей памяти сохранилось первое выступление на сцене. 1921/1922 год. Мне 3 года. Школьная елка. На сцене – «живая картинка»: на пеньке сидит мальчик в шубе, в меховой шапке и с бородой из пакли. На груди – надпись «1921». Кто-то что-то декламирует. Я стою на возвышении. На мне белое платье из креповой бумаги, на ногах белые чулочки, на голове – корона из золотой бумаги. Волосы распущены по плечам, и в них пере-ливаются золотые нити (так назывался «золотой дождь»), а на груди надпись – 1922. На сцену меня вынесла мама, и после того, когда я свою роль сыграла, мама унесла меня в нашу комнату (очевидно, на туфли и платье денег не было). Я осталась очень довольна собой, зрителям я также понравилась – это я хорошо помню до сих пор.

Я рано выучилась читать. Мне было 4 года, когда родился брат. Чтобы я не мешала маме, отец взял меня с собой в класс. Усадил на первую парту рядом с очень прилежной девочкой и предупредил: «Не вертеться, не болтать и не шалить!» Затем дал мне доску и грифель, чтобы я рисовала. Если на доске больше не было места для рисунков, то все можно было стереть мокрой губкой, прикрепленной к доске. Но я не только рисовала, я еще и прислушивалась – чему же отец учил детей? Не помню, сколько прошло времени, но в середине зимы я уже умела читать, хотя меня этому никто специально не учил. Я попросила отца выдать мне книжку, такую же, как и у всех учеников. Книга, которую дал мне отец, была без начала и конца, следовательно, и без названия. Только потом я узнала, что называлась она «Живое слово».

Когда в нашу школу приехал инспектор, отец в разговоре упомянул о том, что я умею читать, и как я этому выучилась. Приехал инспектор вечером, чтобы с утра начать проверку. Работа его началась с проверки моих знаний. Я со своей книгой «Живое слово» подмышкой явилась в учительскую. Инспектор взял мое «Живое слово», открыл в начале, потом в середине, затем – в конце. В любом месте я свободно читала. Он, очевидно, решил, что я эту книжку знаю наизусть. Встал, взял с верхней полки какую-то тригонометрию или что-то в этом роде, что я ни в коем случае не могла знать и вообще никогда не держала в руках, и это я прочитала без запинки. Впоследствии

инспектор, которого звали Отто Швенне, приезжая в школу (это бывало уже в Пудиново), всегда интересовался моими успехами. Это он потом помог моему отцу перевестись учителем в Ригу. Царство ему небесное!

Таня в 1922 году.

К моей маме часто обращались за помощью женщины (особенно пожилые), у которых постоянно что-то болело – голова, руки, ноги. У мамы была небольшая аптечка, настоящая же большая аптека была от нас в десяти километрах.

Но и молодые девушки приходили к маме за советом, особенно, если шилось новое платье. Мама показывала им журналы с красивыми картинками, которые и я разглядывала с большим удовольствием, а также помогала девушкам раскроить материал.

Мне особенно нравилось, когда маму приглашали «обряжать» невесту. Это было целое представление! Начиналось оно с завивки волос. Делалось это так: щипцы для завивки нагревались на стекле керосиновой лампы (эти щипцы позднее я подарила музею), волосы завивались, и из них возводился высокий пучок. После этого накладывалась фата, и вся прическа завершалась венком из мирты. Для этой цели обрезалась большая мирта, которая росла в нашем доме. Я никак не могла понять, почему девушки не выращивают мирту у себя дома. Мама объяснила, что мирта в каждом доме не растет.

В некоторых случаях приглашали и отца, и он, как и мама, брал меня с собой. Однажды мы с ним пошли в дом, где был покойник. Умер уважаемый всеми сосед, и отца попросили почитать псалтырь. Гроб стоял в украшенной березками клети. Отец начал читать псалмы, меня же в это время хозяйская дочка повела осматривать дом, хлев, сад, огород и пасеку. Мне было очень инттересно, так как у нас в школе все было не так. При школе было небольшое хозяйство – огород и даже клумбы с цветами. Был сеновал и хлев, где стояла наша корова, жили поросенок и куры. Корова была очень красивая

– белая с коричневыми пятнами, большая с широкой спиной. Отец меня иногда сажал на коровью спину – так я занималась верховой ездой. В душе я мечтала быть настоящей наездницей, но я боялась сесть на лошадь, хотя предложений со сторон пограничников было достаточно.

Нашу корову звали «Паненка», что по-польски и по-белорусски означает «Барышня». Купили ее у барона Фредерикса. Барона этого я хорошо помню, он приходил в наш дом – такой высокий, стройный, одетый в френч и брюки галифе. Потом, когда я уже подросла, я узнала, о том, что дядя этого барона, будучи министром при дворе Николая II, уехал вместе с ним в Сибирь, где и погиб с последним императором...

Мир моего детства был совсем невелик: школа, церковь да дом священника – здесь я могла свободно передвигаться, дальше заходить было запрещено. Вместе с мамой мы ходили в лавку в километре от нас на станции «Борисовка», там же находилась квартира контролера пограничников. Мама дружила с его женой. По субботам мы ходили в баню к одному из хозяев. У него был большой сад с множеством фруктовых деревьев, кустов и цветов. Мне всегда давали с собой букет цветов. Особенно мне нравился куст роз перед домом. Когда мне было 6 лет, мы уехали из Голышево. Окончилось мое раннее детство...

Попала я в Голышево совершенно случайно спустя много лет – уже в пятидесятых годах. Мы с коллегами возвращались из путешествия по Пушкинским местам, и только успели въехать на территорию Латвии (через речку по мостику), как шофер сообщил, что нужен срочный ремонт и мы можем быть свободны в течение часа. Я не знала, где мы находимся, но места казались какими-то знакомыми: церковь, школа напротив нас, дорога... Но вот на здании школы я увидела надпись: «Aizgaršas 6 kl. pamatskola» и поняла, что я нахожусь в Голышево! Именно так его переименовали во время К. Улманиса. И все-таки здесь чего-то не хватало, что-то было не так... Только церковь осталась без изменений... Но в моей памяти сохранилось Голышево моего детства, а не Айзгарши...

Сознательные годы моего детства и, можно сказать, самое счастливое детство, прошли в основной школе Пуденова, куда перевели моего отца. Там мы прожили 10 лет до переезда в Ригу.

Школа называлась Пуденовская, но находилась она в селе Михайлово, в полукилометре от Пуденова. Здание школы было совсем небольшим, его на церковной земле построил (и, наверное, в спешке – даже полы не были покрашены) отец Никанор Трубецкой. В этой простой школе прошли сознательные годы и, можно сказать, мое счастливое детство.

Наша квартира была из трех комнат (одна из них считалась учительской) и маленькой кухни с большой «русской» хлебной печкой, в которой можно было приготовить такие удивительные яства, что совсем немыслимо в наших духовках. Пусть у нас не было ни кино, ни телевизора, ни радио, ни телефона, но я нахожу, что в детстве я была во много раз богаче своих внуков – столько красоты и радости нам несли волны речки, лес и роща...

Итак, село Михайлово состояло из церкви, кладбища с очень красивой белой часовней, домика сторожа и дома священника с множеством хозяйственных построек и особенно большой ригой, а также школы. Между школой и домом священника была большая площадка, окруженная канавой и земляной насыпью, на которой было задумано кладбище, но пока площадь использовалась для игр и праздников. Деревья росли только по периметру площади, и немного плодовых деревьев было возле дома священника. Прямо у реки, на краю дороги стоял крест (krucifiks). Девушки по праздникам опоясывали изображение Христа у бедер вышитым и обшитым кружевом полотном. На небольшом расстоянии от дороги в Голышево находилась латышская школа, а напротив стоял богатый дом, в котором жил Иван Иванович Иванов. Это было здание бывшего поместья с большим садом и настоящим парком с аллеями, множеством хозяйственных построек и причалом на реке и лодкой, так как река здесь была достаточно глубокой. В этом гостеприимном доме мы часто бывали. Мелочная лавочка, где родители покупали разные необходимые вещицы, находилась за мостом в Пуденове, там же на пригорке было католическое кладбище.

Ранее школа располагалась в деревянном домике, где все четыре класса помещались в одной комнате. Открылась новая школа с шестью классами. Инспектор ценил отца, как педагога и хорошего организатора. И, надо сказать, эту школу мой отец сделал одной из лучших в Лудзенском районе. Недаром потом он получил

возможность переехать в Ригу.

Эту школу я с отличием закончила в 14 летнем возрасте и поступила в Лудзенскую гимназию, но это уже другой рассказ...

Общество в нашем регионе было достаточно обширным – только в нашей школе пять учителей, рядом еще латышская школа – ее учителя, а в трех километрах – почта, волостное управление.

Но самое большое оживление было в доме священника Трубецкого. У него было 10 детей, старшие уже закончили школу, двое изучали теологию (один – в Парижской духовной академии). Двое младших были моими сверстниками и друзьями. Все четверо сыновей отца Никанора впоследствии стали священниками, и в советское время перенесли заключение в лагерях Гулага.

Но в то время было особенно шумно и весело на праздниках и летом, когда вся семья собиралась вместе. Все хорошо пели – одна из дочерей и один из сыновей окончили консерваторию. Когда к ним присоединялась и наша семья, получался настоящий хор.

Т. И. Павеле. 50-е годы.

Михайловская церковь была освящена в честь Петра и Павла. Каждый год в храмовый праздник 22 июня съезжалась чуть ли не половина Латгалии. Уже накануне из Лудзы и Карсавы приезжали торговцы и ставили ларьки у моста и по обеим сторонам дороги. А в день праздника торговля шла до позднего вечера.

Но основным в этот день были богослужение и крестный ход. Съезжалось много священников из окрестных церквей, там часто можно было увидеть наставника Рижского ка-федрального собора отца Кирилла Зайца и ректора духовной семинарии отца Яниса Янсона. Богослужение торжественное, красивое, великолепный хор (так как приехали дети священника и их друзья). Горели сотни свечей, церковь была переполнена, в открытые окна богослужение было слышно и снаружи, где стояли те, кому не хватило места в храме.

Особенно торжественно проходил крестный ход, после троекратного обхода храма все направлялись на кладбище. В часовне служилась панихида за упокой душ усопших, затем шли к кресту (krucifiks`y) и там еще молились (на это надо было бы обратить внимание в наши дни, ведь крест-то был католическим!).

Праздник продолжался до самого вечера. Старшее поколение после богослужения праздновало дома, молодежь же оставалась в ожидании бала (Zaļumballe). Обычно он устраивался на лугу возле речки. Площадка огораживалась березками. Играл духовой оркестр пожарников. Танцевали вальс, фокстрот, польку и танго.

Хочу рассказать еще об одном богослужении, которое оставило на меня неизгладимое впечатление, и которое я не могу забыть до сих пор. Было очень жаркое лето, долго не было дождя. К нам приходил не один взволнованный сосед: «Илья Иванович, что показывает «барон»? (так они называли наш барометр)». Отец отвечал, что дождя не ожидается. На что ответом был тяжелый вздох и слова: «Если так будет продолжаться, наступит голод...» Потом просили обратиться к священнику, чтобы Бог послал земле влагу. После обычного воскресного богослужения отец Никанор сказал: «Теперь попросим Бога, чтобы Он послал нам дождь». Все, как один, от старого до малого упали на колени и зажгли свечи. Женщины плакали, слезы были и на глазах у многих мужчин. Так и остались на коленях всю службу. По окончании богослужения в храме, с хоругвями и иконами крестным ходом обошли три раза вокруг церкви и затем вышли на дорогу и остановились около дороги на Голышево, где напротив храма росла рожь. Здесь, прочитав молитву, священник окропил святой водой это поле и все четыре стороны.

Такой крестный ход бывает только на Пасху. Я это принимаю как мистерию.

Теперь – о школе... Уроки начинались общей утренней молитвой, на которую собирались все ученики и учителя. Молитва начиналась словами: «Царю небесный...» Помещения хватало на все классы. И только в одном, большом, который использовался, как праздничный зал, размещалось два класса. Обычно одному из них давалась письменная работа. Некоторые ученики жили в интернате всю неделю и только по субботам ходили домой. Еду готовили сами в школьной кухне. Никакие автобусы по нашей дороге не ходили, и было само собой ясно, что надо топать ногами, даже «дальним» – пять, шесть километров, для них это ничего не значило...

Не помню, в каком году, был неурожай, подвела погода – дожди и наводнение. Разлилась и наша речка, поля размокли, затопило дороги. Многие дети не попали в школу, а из интерната не могли вернуться домой. Кормила их моя мама, но этого было недостаточно, необходимо было организовать большую помощь, так как некоторые семьи очень нуждались. И вот тогда в школу привезли большую металлическую емкость цилиндрической формы, которую согревали снизу и с боков. Теперь все без исключения могли пить чай вприкуску с бубликами, которые также привезли в большом количестве и по необходимости подогревали в печке. Помню, что родительский комитет обсуждал, как помочь малоимущим детям. После уроков некоторым ученикам измеряли ноги, руки, плечи. И вот однажды председатель родительского комитета Матвей Иванович приехал в школу на санях, нагруженных большими пакетами. В них были теплые кофты и ботинки. Матвей Иванович раздал все это ученикам по заранее заготовленным спискам. Много раз проходили такие акции.

Отец преподавал русский язык, русских классиков мы знали, а правописание запомнили так, что мои руки и теперь пишут правильно, хотя правила я давно забыла. Кроме того, отец был хорошим организатором, педагогом и, как я считаю, хорошим воспитателем. Его уважали и дети, и взрослые (коллеги, родители учеников). Отец умело руководил нашим чтением, умел сделать и замечание. Особенно интересны были его уроки пения – он

Татьяна Ильинична Павеле в саду.

сам сопровождал их игрой на скрипке. Организованный им школьный хор, выступал не только на школьных праздниках, но и в дни русской культуры, и в церкви на Рождественских и Пасхальных службах, когда дети пели по очереди с профессиональным церковным хором, не уступая ему по качеству исполнения.

На Рождество освобож-далось помещение самого большого класса. В программе кроме пения и декламации всегда подготавливалась еще и пьеска, разыгранная на радость родителям. Ставил пьеску отец, он же и гримировал участников, парики получали из Лудзы у парикмахера Друяна. В середине класса стояла елка – большая, до самого потолка, ее привозил из леса кто-нибудь из родителей. Украшали елку не только обычными покупными игрушками, но и самодельными, изготовленными на уроках рукоделия. Конечно, не обхо-дилось без красочной цепи, склеенной из глянцевой бумаги. После показанных родителям выступлений у елки проходили рождественские игры.

Дома в нашей квартире, в учительской комнате также стояла елка, конечно, поменьше, чем школьная, но тоже – до потолка. Украшали ее мы сами, только установить звезду на самом верху, да украсить верхние веточки помогал отец. Далее рождественская программа была примерно такой: мама что-то готовила, отец помогал ей, а мы

украшали елку – все это происходило 24 декабря.

С наступлением сумерек приходили мальчики (четверо или пятеро, не более) со звездой – христославы. Звезда была поднята на палочке высоко над головой, а в ее центре – фонарик с зажженной свечкой. Мальчики пели рождественские молитвы, начиная с «Рождество Твое Христе, Боже наш...». За это отец давал им денежку, а мама угощала свежими булочками и печеньем. Когда время близилось к вечеру, нас посылали встречать первую звезду. Как только мы прибегали домой и говорили, что на небе появилась звездочка, мама звала нас к столу. Он был накрыт белой скатертью, а под ней было расстелено сено. Еда, как в Посту – никакого мяса, только винегрет из свеклы, селедка с горячей картошкой и грибы. Затем – сладкая рисовая каша с компотом. После еды нас отсылали спать. В полночь начинался колокольный звон, нас будили и мы с мамой шли в церковь. Отец уходил раньше, ему надо было расставить школьный хор.

Богослужение было торжественным, но и сама дорога в храм тоже была необычной. На темном небе – несчетное количество звезд, под ногами блестит снег. Кругом – тишина и покой, который нарушает только колокольный торжественный звон, да звук колокольчиков, да бубенцов, подвешенных к дуге у подъезжающих к церкви.... «Ночь тиха, ночь свята...»

Из церкви мы возвращались часа в два ночи и садились к праздничному столу. В нашей замечательной хлебной печке еда была совершенно горячая. В середине стола – блюдо с тушеной капустой, вокруг которой, как солдатики, поставлены кусочки домашней колбасы. А к ней подавался еще свекольный салат, маленькие маринованные боровички и специально к Рождеству приготовленные мамой рулады – начиненные слоями свиные желудки, которые не только вкусны, но и красивы. Все это отец запивал самодельным пивом, а мы – горячим чаем. Потом были еще и пироги с капустой и грибами, а также разные ватрушки, сладкое печенье и компот. После чего надо было снова укладываться спать...

Просыпались мы утром – в первый день Рождества, 25 декабря. Тут начиналось хождение из дома в дом с праздничными поздравлениями. Сначала «с визитами» направлялись мужчины,

дамы сидели дома и принимали визитеров. После обеда и дамы обменивались визитами – сначала молодые посещали старших, потом поднимались и пожилые.

У нас дома елка горела весь вечер 25 декабря и по согласию родителей, на елку приходили соседские дети священника и учителей. Праздник у зажженной елки продолжалася и на второй день Рождества. Вспоминаю такую елку в доме священника. Взрослые сидели за столом в столовой. Среди них были и мои родители. Мы резвились у елки в соседней комнате. Когда все свечи догорели и оказалось, что в запасе больше свечек нет, решили, что надо пойти в церковь и попросить у сторожа огарков. Сторож дядя Костя, мужчина средних лет – блондин с вьющимися волосами и закрученными усами, уже запирал церковь, когда мы прибежали к нему всей гурьбой. На нашу просьбу дать огарков он сказал, что церковь открывать не будет, у него нет времени. Началась перебранка... Дядя Костя нам категорически отказал, и тогда младший сын священника, мой одноклассник Павел, назвал его скупым и показал язык (мы стояли за церковной оградой), при этом прикоснулся им к воротам. На дворе было холодно, и язык прилип к железу. Мальчик заплакал, но отдернуть язык побоялся. Тут мы увидели, что дело плохо. Старшие сказали Павлу: «Стой тихо, не двигайся, а то вообще останешься без языка!», и мы все побежали домой за горячей водой. Дома все еще сидели за столом и пили чай. Старшая девочка схватила литровую кружку и налила из самовара кипяток, а мы все, перебивая друг друга, пытались объяснить, что произошло. Родители так ничего и не поняли, а мы с «кипятком» помчались обратно. По дороге вода немного остыла и мы смело поливали Павлушке на язык. Дядя Костя все-таки вынес нам огарки свечей, хотя пожаловался на наше поведение. Разгон от батюшки и его жены пришлось выслушать...

Зима принесла нам не только эти радости, но и много других, хотя почему-то нашим родителям они не очень нравились. Река замерзла, мальчики прыгали с моста, а я боялась. Тогда они нашли лучшее место. Прыгали с насыпи на дно канавы у праздничной площадки, с такой стороны, чтобы ни из дома, ни из школы нас не было видно. Хорошо было прыгать в сугроб – мягко, словно в пуховую перину! Я была маленькой и легкой и так запуталась в

снегу, что и вылезти сама не смогла, меня вытащили, так мне было весело и радостно, вот только мои калоши в снегу остались! Для того, чтобы их найти, нужна была лопата, а ее просто так детям не дадут. И все-таки лопату выдали, но послали с нами и брата. Он-то и рассказал родителям, как дело было...

А еще катания с Банной горки... Она была расположена далеко от дома – родителям не узнать! Спускались на больших соседских санях. Разгон был такой силы, что переносились на ту сторону речки, прямо через прорубь...

Однажды солнечным зимним днем мои друзья позвали меня посмотреть на скульптурные произведения на склонах на берегу реки. Действительно, очень красиво – сосульки фантастической формы. Решили – это будет наш музей! Мальчишки из дома притащили большие сани, в них мы и погрузили наши скульптуры. Но сани понадобились взрослым и наш груз высыпали. Тогда мальчики перенесли ледяные фигурки поближе к дому, и я устроила выставку прямо перед окном. Простояла она до самой весны...

На уроках пения учили теперь только пасхальные песнопения, так как школьники на Пасху, так же, как и на Рождество, пели в церкви. Во время Великого поста мы организованно ходили в церковь... Мне очень нравились эти богослужения, особенно, четвертая неделя поста. Мы всем классом стояли перед иконами, а священник читал молитву, и мы все кланялись после каждой строфы. За нами стояли и молились взрослые... Эта молитва запала мне в душу... Позже, уже в гимназии я прочла стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...», которое стало моим самым любимым. Красива и трогательна была общая исповедь и причастие. После чтения 12 евангелий каждый старался донести до дома свою свечу горящей. Помню много движущихся огоньков на дороге... И, наконец, Пасха!

За два-три дня до праздника начиналось такое приготовление – варка, жарево, печиво, крашение яиц, какого я в своей жизни больше никогда не видела! Пекли торт, куличи, варили пасху. Особенно старались выпечь хорошие куличи. Для этого тесто клали в литровые эмалированные кружки, в печи тесто поднималось, и куличи выпекались высотой до 40 сантиметров. Потом очень осторожно клали их на простыни на кровать, чтобы потихоньку остывали... Нас же при этом предварительно отсылали из дому,

так как нельзя было шуметь, бегать, хлопать дверями – из-за этого куличи могли «осесть», и тогда вся работа окажется напрасной. Разве можно сейчас испечь такие куличи? Ответственной работой было и запекание окорока. Но как уже упоминалось ранее, в русской печи все можно было изготовить на высшем уровне.

Праздничный стол был таким богатым и красивым, что такой можно было увидеть только на картинах, да на старых пасхальных открытках. Так же, как и на Рождество, из церкви после пасхальной службы возвращались часа в два ночи. Праздничный стол уже был накрыт, ждали священника. Он вместе с псаломщиком Николаем Ивановичем и сыном семинаристом сначала приходили к нам. Служили молебен. Святой водой окропляли стол и только после этого усаживались «разговляться». Долго не сидели – не более часа. После этого как псаломщик, так и Николай Иванович, разговевшись чарочкой водки и попробовав самодельного пива, затягивали любимую песню «Звезды, мои звездочки...». Священник поднимался из-за стола и уходил домой, мой отец провожал его, чтобы похристосоваться с матушкой. Так это происходило из года в год...

Пасхальные развлечения – это, конечно, качели, и только пасхальное катание яиц. Для этого приспосабливалась специально выдолбленная дощечка – лубок, да еще можно было биться яйцами. Но самое главное – это пасхальный перезвон!

Церковная колокольня, которая обычно бывала закрытой, открывалась в первый день Пасхи, и звонить мог каждый умелец. Конечно, наша компания всегда принимала в этом деле живое участие. Надо было видеть, как будущий воспитанник консерватории и диакон нас распределял и дирижировал нами! Самое ответственное – это мелкие колокола, ведущие мелодию. Мне, как самой маленькой, доверялось по его сигналу потянуть веревку самого большого колокола, удар которого окрашивал всю мелодию звона. Нам казалось, что мы все выполняем замечательно, славя своим звоном Воскресение Христово. Дядя Костя же совсем не восторгался нашим перезвоном. Наши родители вообще вначале приняли его за набат, но не увидев нигде и намека на пожар, решили, что на колокольне находится какой-то не совсем трезвый звонарь...

К весенним событиям надо причислить еще ледоход на нашей реке Утрое, или как ее теперь называют, Ритупе. Эта совсем небольшая речка, летом каменистая и такая мелкая, что ее можно было перейти по камешкам, не замочив обуви, во время половодья становилась бурной. Мы наблюдали ледоход с моста. Мне было страшно, но уходить не хотелось. Сердце замирало, когда льдины ударялись об опоры моста. Иногда на льдине оказывалась несчастная собака.

Летом речка тоже доставляла нам много радости. Мы купались в ней, голышом, никаких купальников у нас не было, рыбачили – удочкой и сетью, руками ловили раков между корнями ольхи, заросли которой доходили до самой воды. В ветвях деревьев были птичьи гнезда, и множество цветов было на лугах...

Но вот наступали школьные каникулы. Все работы проходили теперь на земле – на нашем маленьком огороде и на «хуторе», который находился в километре от школы. Там рос клевер, овес и вика для наших коровы и лошади, был посажен и картофель. Мне тоже приходилось пропалывать огород и цветочные клумбы. В наше время и у детей была своя работа и обязанности...

(перевод с лат. И. В. Горшковой)

Рассказывает инженер
Ираида Васильевна Горшкова

В Риге по ул. Дзирнаву 46 до сих пор сохранилось простое деревянное двухэтажное здание, в котором с 1908 по 1936 гг. находилась частная русская женская гимназия Олимпиады Николаевны Лишиной. Что представляло собой это учебное заведение?

В 20-30 годах XX века общеобразовательная школа делилась на основную (6 классов и приготовительный или дошкольный класс) и среднюю. По указу министерства образования только средней школе было присвоено название «гимназия».

До 1933 года гимназия была 4-х классной, а с 1934 года добавили еще класс, и номера классов переменили – начальный звался пятым, а последний – первым.

Гимназия Лишиной объединяла под своей крышей как основную, так и среднюю школу и ее полное название было «Русская женская гимназия и основная школа О. Н. Лишиной». В основной школе учились девочки и мальчики, а в средней – только девочки. Гимна-зия в своей жизни руководствовалась специально разработанными правилами. Эти правила были напечатаны в «Тетради для еженедельных отметок», которая выдавалась каждой ученице гимназии в начале учебного года. Правила имели 4 раздела:

а) относительно учения,

б) дежурные по классу,

в) взаимное отношение учениц,

г) о поведении учениц вне школы.

Приведу некоторые пункты:

«п. 6. Ученицы обязаны являться на уроки в установленной форме...»

«п. 7. Ношение излишних украшений, не соответствующих форменной одежде, колец, браслетов и пр. воспрещается.»

«п. 20. Ученицам воспрещается посещение театров и других общественных мест увеселения без особого разрешения начальницы.»

Учебная программа была та же, что и в других школах и гимназиях, разработанная министерством образования. Задачей Олимпиады Николаевны и всего педагогического коллектива было доработать и преподнести ее таким образом, чтобы вырастить достойную смену русской интеллигенции.

Ученица Лишинской гимназии Ираида Горшкова. Осень 1935 г.

Школьный день

Утром все учащиеся собирались в зале. Ровно в 8 часов 45 минут открывалась дверь, входила Олимпиада Николаевна и со словами: «Здравствуйте, дети! Молитесь, пожалуйста!» начинался школьный день.

Молились мы перед образом Спасителя, благословляющего детей. После закрытия школы эта икона находится в храме во имя Преподобного Сергия в рижском Свято-Троице Сергиевом монастыре, а бывшие ученицы ходили ей поклониться, пока могли. По окончании молитвы читали «Отче наш...» на русском языке, и на своих языках – латыши, немцы, поляки. Ведь в гимназии учились не только русские, но и дети других национальностей, которым родители хотели дать образование на русском языке.

В Центральном историческом архиве сохранились данные по вероисповеданию учащихся гимназии на 1 декабря 1930 года (справка направлялась в Министерство образования):

1. Православные – 137 человек.
2. Старообрядцы – 9 человек.
3. Лютеране – 14 человек.
4. Католики – 5 человек.
5. Иудеи – 53 человека.

По окончании молитвы икона задергивалась голубой занавесочкой. Ученицы под наблюдением классной руково-дительницы расходились по классам.

Урок длился 45 минут, после чего наступала перемена – 5-7 минут отдыха. Чтобы поведение на перемене не было черезчур

Последний снимок в Лишинской гимназии «Последний раз вместе...» .
Июнь 1936 г. И. Горшкова – во втором ряду 3-я справа.

громким, в зале дежурила учительница. После третьего урока наступала 15-минутная большая перемена. На втором этаже в малом зале тихонечко ворчал огромный блестящий самовар (многие первоклассницы были ниже его ростом), а рядом стоял большой поднос свежих булочек и хозяйничали две учительницы – Анна Николаевна Лишина и Лидия Федоровна Сипко. Но кончалась перемена и – снова за парту. По истечении трех-четырех уроков уходили домой самые младшие. Самые шумные – пятиклассники и шестиклассники основной школы – расходились после пятого-шестого уроков, и только старшие оставались на седьмой урок.

Классные руководительницы (или как нас воспитывали)

В обязанности классных руководительниц («классных дам», как их обычно называли) входило и наше воспитание.

С 1927 по 1929 годы, когда я училась в I, II и III классах основной школы, нашей классной дамой была молодая и веселая Вероника Евгеньевна Перечкина, которая сама окончила нашу гимназию и поэтому, наверное, прекрасно нас понимала, очень редко сердилась и спокойно разбиралась во всех недоразумениях, возникавших в

классе. Она усаживала шумных мальчиков с тихими и застенчивыми девочками, в результате чего, может быть, мальчики и становились несколько спокойнее, но девочки, определенно, переставали быть «тихими», а случайные соседи становились друзьями. Запомнился такой случай: однажды мальчик Федя, нашалив, побоялся в этом признаться. Тогда, зная, что его дома строго накажут, вину приняла на себя его соседка по парте Лариса. Олимпиада Николаевна вызвала Ларисину маму. Узнав, что Лариса не виновата, Олимпиада Николаевна не стала искать и наказывать шалуна...

Вскоре Вероника Евгеньевна вышла замуж и мы с ней простились как с классной руководительницей, но она еще долго оставалась у нас учительницей математики, так как она училась в университете на математическом факультете. Кроме того, она была членом студенческой корпорации „Sororitas Tatiana". Сменила ее Вера Ивановна Григорьева. Несмотря на то, что она получила в наследство очень дружный, хотя и шаловливый класс, первым, что она сказала, было: «Жалоб не принимаю!». Мы и не жаловались друг на друга, но никак не могли стать тихими и послушными, как ей бы хотелось.

...Но вот кончились уроки. Под чутким руководством классной дамы дежурная читает молитву. Потом полагалось тихонько по парам идти в гардероб, но нам почему-то очень хотелось шуметь, стучать, смеяться. Вера Ивановна заставляла нас сидеть на своих местах до тех пор, пока не успокоимся и с видом мученицы произносила: «Подождем, у меня времени много». Вот вроде бы все утихли, встали в пары, пошли в гардероб, но снова возвращаемся – кому-то захотелось на лестнице топнуть, кто-то стукнул по перилам - и снова мы сидим, и опять Вера Ивановна говорит, что у нее времени много. Домой мы уходим на 20-30 минут позже всех...

Когда мы закончили основную школу, Вера Ивановна уехала из Риги. Уже в 80-е годы мои одноклассницы встретились с ней в пансионате в Америке, где она провела свои последние дни. Нас она всех помнила и с удовольствием вспоминала Ригу и гимназию.

Школьные вечера

Олимпида Николаевна называла их «большим уроком русского языка». Обычно вечер проводился зимой, а готовиться к нему начинали с осени. Силами учениц сама Олимпиада Николаевна

ставила русскую классику. Так, на 20-летие гимназии это была «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя, а на 25-летие – «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Газета «Сегодня вечером» от 23 января 1933 года писала: «Вчера в залах «Ремесленного общества» гимназия О. Н. Лишиной отпраздновала 25-летие своего существования.... Ученицы гимназии разыграли инсценировку Пушкинского «Евгения Онегина». Ясная и толковая читка молодых исполнительниц, из которых некоторые отличались еще сценическими способностями... В пушкинский текст были удачно вкраплены музыкальные отрывки из оперы... После окончания спектакля состоялось чествование О. Н. Лишиной. Были прочтены приветствия от президента государства Квесиса, представителя сейма Калниня и Школьного департамента, а также от русских обществ».

Танцы открывались полонезом. В первой паре всегда была Олимпиада Николаевна с сыном. Исключение составлял последний вечер, который Олимпиада Николаевна открывала с самым маленьким мальчиком, звали его Фердинанд Русак.

«Содержание» гимназии

На какие же средства содержалась гимназия? В архиве удалось найти следующие данные: «Доходы гимназии за 1934/1935 год:

1. плата за обучение;
2. доходы от школьных вечеров и лотереи;
3. вступительная плата за разные удостоверения».

Платили за обучение далеко не все учащиеся – были такие, которые платили только половину суммы и такие, которые совсем не платили. За некоторых учащихся платили разные организации, общества или просто состоятельные люди. В архиве есть письмо, в котором говорится о том, что Общество русских торгово-промышленных служащих вносило плату за обучение моей одноклассницы Нины. Уже в девяностых годах я случайно узнала, что еще за одну мою одноклассницу платили родители ее подруги – соседки по парте. В классе никто не знал, кто сколько платит за обучение, в своих синих формах все девочки были равны.

Я уже говорила, что у нас был очень дружный класс, и сами того не понимая, мы очень любили друг друга. Мы были еще очень маленькими, когда у нашей одноклассницы Нины умер отец и она

осталась круглой сиротой (мама умерла при ее рождении), и жила то у одних, то у других родственников. Все ее очень жалели и ей многое прощали, даже то, за что другим, наверное, здорово бы досталось. Когда в 1934 году умер Л. В. Собинов, а в нашем классе училась его дочь Светлана, мы все пошли прощаться с Леонидом Витальевичем в посольство СССР. Снова я встретилась со Светланой уже в конце прошлого века и оказалось, что мы остались такими же близкими, как и в школе, и с тех пор уже не теряли друг друга... Потом мы провожали в Японию Екатерину Бок, внучку Столыпина, но, к сожалению, о ней ничего не известно...

После выхода 17 июня 1934 года закона «О народном образовании» мы простились сразу со многими нашими подругами, хотя они никуда из Риги не выезжали, им было запрещено учиться в русских школах. Гимназия лишилась многих своих учениц, и Олимпиада Николаевна весной 1936 года вынуждена была свою гимназию закрыть...

Умерла О. Н. Лишина 6 июня 1961 года. Похоронена на Покровском кладбище. «Два раза в год мы, ее ученицы, еще оставшиеся в живых, собираемся у ее могилы, служим панихиду и вспоминаем гимназию», – из воспоминаний бывшей ученицы Е. К. Францман.

Судьба разбросала нас по всей планете, но мы старались найти друг друга, встретиться, или хотя бы письменно поддерживать прежнюю дружбу. «Когда вы встречаетесь, мы мысленно с вами», – так заканчивает одно из своих писем моя одноклассница из Бельгии (мы – это Анна и Вера Енгалычевы, урожденные Якоби).

В заключение я хочу привести еще несколько слов из воспоминаний Е. К. Францман об Олимпиаде Николаевне: «она была очень умным и разносторонне одаренным человеком, она обладала чисто мужскими способностями организатора и одновременно была интресной и обаятельной личностью... Олимпиада Николаевна была очень доброй и внимательной к огорчению и горю каждого и умела внушить такое уважение к себе, что мы трепетали перед ней и, как тогда говорили, «обожали» ее. Даже много лет спустя, когда у нас уже были свои дети, мы приходили с ними к бывшей начальнице, и она всегда находила, чем порадовать детей...»

Из гимназического дневника врача
Маргариты Васильевны Салтупе (урожд. Морозовой)

Ученица Правительственной гимназии Маргарита Морозова (Салтупе). 30-е годы.

...Ведь может быть впредь и на будущий год не придется нам всем так встретиться, а если и придется, то не будет так много общих интересов. Весной эта нить порвется и звенья рассыпятся. Некоторе звено, может быть упадет далеко от нас, заграницей. Но пока мы все еще вместе...

* * *

...Вчера у меня была вечеринка. Публика была разношерстная. Веселились до 3-х, танцевали под охрипший патефон и гармошку, играли в игры и в фанты, пели песни. Почти все были веселы. Все принимали за шутку, над всем смеялись...

* * *

...Теперь хочу несколько слов написать о себе. Безусловно, легкомысленна и ветерок бродит в моей голове. Но я на все смотрю сквозь пальцы, помня: «Блажен, кто смолоду был молод...»

* * *

...Была на лекции Ильина. Эта лекция на меня произвела большое впечатление. Ильин говорил о Пушкине. Он подчеркивал его русскую всеобъемлющую душу. Пушкин всегда останется русским. На фоне такой русской души, как Пушкин, интересно заглянуть в свою душу. Пушкин любил жизнь – я ее тоже люблю...

* * *

...Сегодня получили свидетельство*. Последнее... Мое желание исполнено – я опять первая.

* *свидетельство о полученных отметках за последнюю четверть*

* * *

Чувствую потребность говорить, мыслить и быть среди людей. Поэтому ничего не остается делать, как писать дневник. И не для того, чтобы кому-нибудь когда-нибудь показать и чем-нибудь похвастаться, нет, дневник писать мне просто необходимо. Вместе с дневником я живу в реальном мире, мыслю словами...

* * *

...Как-то дух переменился – все волнуются приближению экзаменов, суетятся. Сколько удовольствия составляют уроки математики! Идешь себе на урок и чувствуешь, что в этой области ты свой человек. Неужели скоро кончится это блаженство? Но зато и кончится ненавистная латынь...

* * *

...Сегодня писали последнюю классную работу по-русскому на тему «Тургеневская женщина» и последнюю немецкую диктовку...

* * *

...Сегодня должна была быть ужасная классная, а именно – латынь. Но дело в том, что завтра – День матери. Директор нас задержал на молитве, говорил об отношении к матери, об ее роли, прочли два стихотворения, посвященных матери – одно Некрасова, другое – Бунина.

Осталось полчаса до звонка. Ив. Ив. хотел дать классную, но мы запротестовали...

* * *

...Вчера простились с Евг. Евгеньевичем. Он сказал, что больше при такой обстановке мы не встретимся.

Окно открыто, цветет калина... Евг. Евг. расхаживал по классу... Он сказал, что многие, может быть, больше не встретятся с искусством.

Он хочет, чтобы эти уроки остались у нас в памяти, и пожелал, чтобы мы стали личностями, т. е. шли по определенному пути к цели, чтобы мы имели дело, которому отданы были бы всем сердцем...

Оргкомитет встреч выпускников Ломоносовской гимназии.
В1 ряду 1-я слева – Н. А. Каяка. Во 2 ряду 2-я справа – М. В. Салтупе. 1988 год.

* * *

...Русский экзамен. Времени не было подготовиться. Писали в большом зале, сидели по одному. Выбрала первую тему – о Достоевском. Мучалась ужасно. Написала чепуху, мало. Зато больше никогда не придется писать русские сочинения...

* * *

...Вчера была латынь письменно... Писали в нижнем зале. Ассистенткой была Таисия Никифоровна. Коллективно перевели. Сама перевела только две фразы, остальное под диктовку Т. Н. передавали друг другу. Написали все...

* * *

...Вот и русский экзамен прошел. Волновалась ужасно. Вытащила 11-й билет, а именно: «Байронические поэмы Лермонтова». Демон, Мцыри, лирика Лермонтова и «Герой нашего времени» . Я не хотела его вытянуть, так как всего раз прочла. Ответила...

Печорский монастырь.
Гравюра Е. Е. Климова.

* * *

...Последний день я еще ученица...

* * *

Поездка в Печоры

...двинулись в Печоры. Чужая страна, незнакомый язык, другие типы** – все это так привлекает... Приехали в Печоры. Как в монастыре тихо, спокойно...

* * *

...Дорогой виден Псков. Почти со слезами на глазах смотрела я на Русь и послала привет... Любить надо Русь, все русское, прошлое, натоящее и будущее русского народа, любить русский народ...

*** г. Печоры (Petseri) в 30-е годы XX в. входил в состав Эстонской Республики*

* * *

...Все, что я хотела, я достигла. Я в университете....

Надежда Федоровна Ильянок (урожд. Будылина)

вспоминает:

«Я училась в Рижской русской гимназии в сложные годы: с 1939 по 1944 гг. Сложные потому, что одни социальные условия сменялись другими. Первый учебный год – при «старом общественном режиме» К. Ульманиса, затем – советское время (1940 – 1941), потом – война! Немцы вошли в Ригу уже в 1941 году, и учеба проходила все последующие годы... Я получила аттестат зрелости 5 апреля 1944 года, т.е. тогда, когда шла еще война.

Прошло много времени с тех пор... Многое позабылось... Но некоторые картины остались в памяти на всю оставшуюся жизнь.

Наш класс не был однороден. Было много учеников из состоятельных семей, были и обычные. Вступительные экзамены я сдавала в здании на ул. Акас (бывшая Ломоносовская гимназия), а первый учебный год училась на улице Гайзиня. Девочки занимались отдельно от мальчиков. У каждого класса – свой классный руководитель, у меня – Лидия Михайловна Кожина.

Первый день нового учебного года начинался с молебна в Кафедральном соборе на улице Бривибас. Возвращались оттуда красивыми стройными рядами, конечно, в парадной форме. Впрочем, и каждый учебный день начинался с молитвы в актовом зале. Затем классный руководитель проверял форму – каждый день и прямо у входа в гимназию.

Со второго учебного года начались потери. Первой из нашего класса исчезла Люся Агонесова. Ее отец был священник, их вывезла советская власть далеко в глубь России. Я была наивна, доверчива, ни в какие политические проблемы не вникала, но война больно ударила и меня. За добросовестную работу на заводе Кузнецовых папу перед самой войной наградили путевкой в Крым (он был очень нездоров); но сменилась власть: «русское время» уступило немцам – 22 июня 1941 года началась война, и папа не смог вернуться домой... Мы с мамой оказались сиротами... И не одни мы. От рук фашистов погибла в еврейском гетто моя одноклассница Тамара Шер. До сих пор помню, как она с желтой звездой на спине мыла пол в аптеке,

куда я случайно зашла, а рядом с ней стоял немецкий солдат-конвоир... Знаю, что многие мальчики оказались на фронте и вернулись оттуда калеками... Класс редел. Гимназию каждый год переселяли в новое здание, а прежние отдавали под госпитали...

Надя Ильянок с дедушкой Николаем Ефимовичем Будылиным.

Но учеба в общем-то шла своим чередом, хотя были и перерывы....

Молодость, нерастраченные силы справлялись с непростыми задачами... Я выбрала ту группу девочек, которая изучала латынь, можно было и английский, и французский языки... и, ох, как же усердно ее изучала, так как учитель был на редкость требовательным. Он заставил меня знать латинские числительные, а также выражения древних – Цезаря, Овидия, Тита Ливия. Вообще учителя у нас были замечательные – чего стоил один Константин Евгеньевич Климов, брат художника Е. Е. Климова, - кстати, большого друга моего папы! Его благородная внешность, голос, дикция... Он преподавал нам историю музыки. Запомнилось, как после небольшой вступительной беседы он обращался к нам со словами: «А теперь подойдем к роялю... Сегодня у нас тема девочки Татьяны Лариной...». Я эти «темы» романа «Евгений Онегин» до сих пор помню...

Конечно, запомнились уроки литературы, особенно русской классики XIX века. Любимый всеми учитель Гербаненко требовал от нас знания текста, на его лице всегда отражались переживания, восторги; чувства шли от самого сердца... Незабываем для нас остался Г. И. Тупицын. Он был необычен – увлекающийся, восторженный, он больше рассказывал, чем спрашивал. Мне он запомнился не только

как тонкий знаток своего предмета (географии), но и как очень чуткий, сердечный человек. Меня он без конца расспрашивал о моем родственнике – Георгии Будылине, который был его любимым студентом (Г. И. Тупицын работал и в ЛГУ) и погиб под колесами трамвая. Я помню, как учитель искренно страдал о нем, переживал.

Современную общественность весьма удивляет, что в русской гимназии военных лет не изучался латышский язык. Мы изучали немецкий, английский и даже латынь, а латышского языка не было. У меня сохранился аттестат зрелости на немецком и русском языках, вместо латышского языка – прочерк. А вот фирменный значок гимназии с ленточкой Георгия Победоносца и во время войны разрешали прикрепить к груди – в знак обретенного среднего образования.

Пишу я свои воспоминания о годах, проведенных в русской гимназии 40-х годов прошлого века и думаю: «Интересно ли кому-то будет об этом читать? Прошло столько лет... Люди изменились... Сейчас новые ценности... новый взгляд на школу, обучение, воспитание...».

И все же... Моя школа, мое воспитание тех далеких лет ставило не менее высокую задачу: воспитание человека, воспитание личности на моральной основе, на основе веками создаваемых духовных ценностей.

Очень бы хотелось, чтобы мои воспоминания стали благодарностью моей русской гимназии г.Риги военных лет. Спасибо моим учителям – носителям великой русской культуры, которую не тронули ни революция, ни чуждая идеология! Мои учителя служили примером корректности, честности, вежливости и скромности для нас... До сих пор лежит на всех нас, на выпускниках тех далеких лет, какая-то печать, свой стиль поведения...»

Волею судьбы Н. Ф. Ильянок стала учительницей русского языка и литературы и проработала в 22-й рижской средней школе с 1949 по 1986 гг. Среди ее учеников – Михаил Таль, Владимир Ревуцкий, Борис Пуго, Борис Федоров и многие другие... Они любили Надежду Федоровну за корректность и такт, вежливость и скромность, честность и трудолюбие.

Ираида Васильевна Горшкова, 2008 г.

Лидия Августовна Рудзите 1999 г.

Ветеран Музея истории г. Риги и мореходства Т. И. Павеле, 2003 год.

Учащиеся Правительственной гимназии1941 г. выпуска В. Мирский, Т. Шикшнель (Власова), А. Перковская (Павловская), И. Наркевич, И. Мирская, О. Чигринец (Матвеева), И. Тилцена (Грасмане), Н. Лайва (Рябушинская) на встрече в 1999 году.

Надежда Федоровна Ильянок (на первом плане) и соученицы в 2006 году.

Рассказывает кандидат медицинских наук
Ирина Дмитриевна Чернобаева:
«Повороты и перекрестки»

Выпуск 1942 года Рижской русской гимназии... Наш класс вошел в число тех, которым на протяжении пяти школьных лет пришлось пережить неоднократные переезды, смены директоров, преподавателей и трех политических систем.

Порог Рижской правительственной русской гимназии мы переступили в 1937 году, через два года после ее объединения с Ломоносовской гимназией. В классе мы сначала разместились «по школам», из которых пришли, а затем начались «перетасовки» в зависимости от наклонностей и вкусов. Любительницы выщипывать брови и полировать (не красить!) ногти неизменно выбирали «камчатку».

Нашей классной наставницей стала Таисия Никифоровна Микуля, в свое время окончившая дореволюционную Ломоносовскую гимназию. Высокая, статная, с пышной седой шевелюрой, она весьма решительно взялась за наставничество очередного молодого поколения. По слухам, старшие классы именовали ее “гренадером”.

Авторитет Таисии Никифоровны с первых же дней стал непререкаем. Отсутствие белого воротничка, каблуки выше положенных двух сантиметров а, тем более, последний «писк» моды – бордовые чулки с черным швом и пяткой – немедленно марш домой!

Кольца и браслеты изымались, а их возврат сопровождался соответствующим назиданием, проходившем, однако, с глазу на глаз. Не было ни нотаций, ни наставлений, зато часто звучало повелительное: «Девочки, не галдите!». За этим возгласом все же чувствовалась и скрытая улыбка, и большая душевная теплота. При таком отношении со стороны Таисии Никифоровны мы скоро стали действительно «ее девочками», и незаметно рождалось ощущение «нашего класса».

Перед началом занятий класс выстраивался парами и

отправлялся в большой актовый зал на общую молитву. Затем пары, начиная с младших, дефилировали мимо директора. Мальчики, молодцевато щелкали каблуками, девочкам же полагалось сделать реверанс. Чтобы реверанс получился согласованным и достаточно грациозным, парам пришлось предварительно поупражняться. Директор отвечал наклоном головы, зорко оглядывая каждую пару. Школьная память хранит случай, когда однажды после такого обозрения Георгий Петрович явился в класс и потребовал у ученицы снять туфлю. Достав из нагрудного кармана небольшую линейку, он лично измерил высоту подозрительного каблука. Каблук, хотя и тонкий, допустимой высоты все же не превышал.

Новым и непривычным после основной школы было обращение педагогов к ученикам на «вы». Это вносило некую нотку уважения, но одновременно и приструнивало.

На переменах, проходивших, как и молитва, в актовом зале, мы с интересом приглядывались к старшеклассникам и, подражая им, чинно прогуливались парами. Так шло наше постоянное врастание в общегимназическую среду. Немалую роль в этом играли и общие праздничные мероприятия. На них особую популярность приобрел квартет наших «параллельных» мальчиков, которому мы аплодировали с особым усердием.

Вечера, естественно, заканчивались танцами. Мазурки и польки уже были вытеснены танго и фокстротами. В них мы совершенствовались под руководством известного преподавателя танцев С. Вахромеева. Самым модным танцем того времени был Lambeth Walk (прогулка барашков) – танец с весьма «рискованным» па: партнеры должны были периодически, повернувшись друг к другу спиной, с возгласом «Хей!» стукнуться бедрами. Такой «секс» директор счел недопустимым, поэтому было предписано – приостановившись, просто хлопнуться ладошками.

Попутно припоминается еще один пример «моральной бдительности» директора. Он касался длины гимнастических шаровар: 10 сантиметров выше колен. Поэтому, когда проносился слух о том, что на урок гимнастики придет Георгий Петрович, мы уже заранее максимально вытягивали свои синие штанишки, чувствуя себя при этом уродами, Это называлось – «стать морковкой».

Весной 1939 года мы расходились на каникулы, не подозревая, что в школу на улице Акас больше не вернемся. Закручивался калейдоскоп событий и перемен. Вереницы отъезжающих, толпы провожавших... Покидали Ригу, пока еще немногочисленные, и семьи наших гимназистов и преподавателей.

Школа была переведена на улицу Гайзиня, директором еще оставался Г. П. Гербаненко, но учителя уже стали меняться. В это «смутное» время наш класс осмелился учинить «забастовку», кажется, единственную за всю историю гимназии. Мы отказались писать непредусмотренное заранее сочинение по русскому языку. Пока учительница ходила жаловаться директору, все мы дружно переместились на чердак. Директор явился в гневе и приказал немедленно вернуться в класс. Там он задал нам основательную взбучку, называя нас «гоголевскими типами», хотя какими именно – мы так и не уразумели. Каждая пятая по списку ученица была на время исключена. Однако, сочинения мы так и не написали, а за исключенных чад, в числе которых оказались и отличницы, вступились родители, и конфликт был улажен.

«Сладким» воспоминанием этого периода стали вылазки на близлежащую фабрику «Ориент-Халва» – там за 10 сантимов давали порядочный мешочек обрезков этого лакомства.

Поворот лета 1940 года оказался весьма крут. Адрес школы – улица Стрелниеку, бывшая немецкая гимназия. Новый директор, новые учителя, новые порядки. Каждому классу надлежало избрать старосту, выпускать стенгазету и в чем-то соревноваться.

Старосте положено было блюсти в классе порядок и отвечать за беспорядок. Школьная форма стала менее строгой, но губы красить запрещалось. Первую же нарушительницу немедленно, в сопровождении старосты, отправили к директору Казику. Несколько взъерошенный Казик сделал отеческое внушение и закончил его фразой: «Итак, товарищ Тоня, давайте не будем больше красить губы!». Для директора средней школы такая фраза казалась несколько странноватой.

Со стенгазетой было сложнее: она должна была к чему-то призывать, одобрять и укорять. Мне, как редактору, положено было написать первую передовицу. Начала я ее с обращения: «Девчата!».

Школьный фартук уже необязателен... Февраль 1941 г. И. Чернобаева – справа.

Обаятельная Ирина Ивановна Келер, руководившая тогда нашим классом, прочитав статью, заметила мне со свойственной ей деликатностью: «А Вы не находите, что такое обращение звучит несколько ухарски?». Вот она, разница между тем, что было и тем, что пришло.

Сформировалась в классе и группа активистов. Кто-то из наиболее ретивых не поленился принести из дома патефон с набором пластинок. Патефон водворили на балконе, куда из класса вела дверь. Патриотические песни звучали не только на переменах: сидевшие у двери умудрялись выползти и включить их во время урока, особенно немецкого языка, ведь в то время Германия считалась другом Советского Союза.

Ирину Ивановну вскоре сменила жена советского офицера Вагина. Она преподавала нам, политически неграмотным, Конституцию СССР – так мы и ее и прозвали.

Женщины быстро приспосабливаются к новой обстановке. Первоначальная простоватость была вытеснена новым гардеробом, перманентом и макияжем. Мужчины же оказались более консервативными: историк запомнился своим вечно измятым костюмом. К тому же, свой предмет он читал, не отрываясь от конспекта. Преподаватели не запоминали ни фамилий, ни самих учеников. Этим пользовались «слабые», заранее договариваясь с более успевающими, чтобы те отвечали урок за них.

Гимнастика стала физкультурой. Ее вела наша прежняя Лидия Михайловна Кожина. Занятия заканчивались бравой маршировкой под бодрую песню. Проверять длину наших шаровар было уже некому...

Самым крутым оказался поворот летом 1941 года, когда мы перешли в последний, выпускной класс. Школа была передвинута на

улицу 13 января. Возглавил ее Николай Семенович Федоров, бывший морской офицер царского флота. Вернулись кое-кто из прежних учителей. Нашей классной наставницей стала местная немка с подходящей фамилией – фрау Фюрер. Мы были безразличны ей, она – нам. Занятия были скомканы: уроки длились по 20 -30 минут. Тем не менее, до аттестата нас дотянули.

Выпускная фотография запечатлела девочек с белыми воротничками и мальчиков при галстуках. Мероприятия свелись к скромному общему чаепитию, к которому стараниями Таисии Никифоровны, по особым разрешениям было добыто некое подобие пирожных. Дальше каждому предстояло искать свои пути-дороги и, в первую очередь – увильнуть от грозившей абитуриентам отправки на рабочую повинность в Германию: для поступления в университет она была обязательной.

Пути оказались разными, но не слишком разобщенными. Гимназические связи у многих сохранились. Случалось, что из своих же выбирали и крестных. Наши «огородники» напоминали о себе, появляясь, особенно в трудный период, с плодами своих трудов.

Постоянным местом пересечения стала квартира Таисии Никифоровны. Там, как и в классе, мы слышали знакомое: «Девочки, не галдите!». Так продолжалось много лет. Мы старались поддержать ее в последнее, тяжелое для нее время. Теперь остается только приносить цветы на могилу, попутно заглянув и к упокоившимся там одноклассницам.

Вторым и наиболее широкомасштабным местом пересечения стали ежегодные встречи выпускников периода 1919 – 1945 годов. Вначале их организовывал сложившийся в послевоенные годы постоянный комитет, а затем – Балто-славянское общество. На традиционнной перекличке выпусков наш класс обычно оказывался наиболее многочисленным, вставая под одобрительные возгласы остальных, группой в 18-20 человек. На эти встречи приглашали мы и Таисию Никифоровну.

Поводом для возникновения наиболее уютного третьего «перекрестка», стали приезды наших «иностранцев». Приезжали

они обычно летом, поэтому встречи проходили у нашего главного организатора Нины Фирсовой-Каяк, в саду в Лиелупе.

Минуло более 70 лет со дня нашего поступления в гимназию. Мы продолжаем созваниваться, переписываться, не забываем своих хворых и радуемся каждой возможности встретиться. Мы не безразличны друг другу, потому что у нас общее прошлое. От предыдущих поколений выпускников мы восприняли дух гимназического единства. Педагоги нас не просто учили. Тактично и ненавязчиво они формировали в нас чувство собственного достоинства и взаимопонимания. Для нашего же класса лучшим примером является наша первая классная наставница – Таисия Никифоровна Микуля.

Из поэзии
ученицы Правительственной гимназии
Галины Карловны Мерполь
(род. в 1925 г.)

Галина Карловна Мерполь читает свои стихи на встрече выпускников в 2007 году.

* * *

В наряд осенний все одето,
Пожелтели камыши,
Пришло, настало бабье лето,
Летят над лесом журавли.
Плывут они в бездонном небе,
Печален их прощальный крик,
А на опушке плачут ели,
Прощаясь с летом в этот миг.

Картинки природы

* * *

Над озером плывут туманы,
Тишина вокруг.
Диких уток караваны
Тянутся на юг.
Солнце поднялось над лесом,
Осветило луг, поля,
Засверкала самоцветом
Крупная роса.

* * *

Солнце к западу клонится,
Купаясь в пышных облаках,
На полях роса искрится
В теплых, ласковых лучах.
Над дубравой полыхают
Вспышки дальние зарниц,
В рощах всюду затихают
Голоса веселых птиц.
Под покровом лунной ночи,
Ночи колдовской,
Спят дубравы и долины
Спит весь Мир земной!

Внук **Олимпиады Алексеевны Скворцовой** Александр Владимирович Войтенков – о семье своей бабушки:

Всего в семье Скворцовых было 4 детей – Александра (1909), Олимпиада (1911), Елизавета (1913) и Пётр (1917).

Александра Алексеевна Скворцова (10.04.1909 – 11.04.1979) – это родная старшая сестра моей бабушки, в замужестве Милграв (позднее – Тацуп). Она закончила основную Рижскую городскую русскую школу в 1924 году. Затем – Рижскую частную гимназию Виндзерайс в 1927 году. А младшие сёстры, моя бабушка Олимпиада Алексеевна и Елизавета Алексеевна, закончили ту же самую основную школу соответственно в 1929 и 1931 годах. После основной школы Олимпиада училась в торговом техникуме, а самый младший брат Пётр после основной школы закончил arodskolu.

Александра была замужем за Янисом Милгравом, который с 1939 по 1940 год был заведующим хозяйственной деятельностью Синода.

В 1940 году они оба были арестованы и сосланы, Александра – в теперешнюю Томскую область на Васюган, (см. книгу Т. С. Никифоровой «Баржа на Оби»), а Янис Милграв – в Соликамск, где и умер в 1942 году. Александра ссылку пережила и в 1953 вернулась в Ригу. Второй раз вышла замуж, но что-то не сложилось...

Олимпиада Алексеевна Авсеева, урожд. Скворцова, (справа на переднем плане) на празднике русской культуры в г. Печоры.

Детей не было. Скончалась в 1979 году.

Олимпиада прожила всю жизнь в Риге и, слава Богу, в ссылке не была. Однако был момент, когда в 1944 году её с мужем, моим дедом Терентием Елисеевичем Авсеевым, печатником типографии, чуть было не забрали немцы на работы в Германию. Их выручила соседка, кстати, немка. А забрать хотели потому, что немцам донесли, что они – русские. Донос писал другой сосед, кстати, русский. Правда, в 1949 году,

Оркестр. В первом ряду – Пётр Алексеевич Скворцов

когда была «вторая волна» репрессий, супруга этого самого соседа свидетельствовала уже в их защиту. Превратности судьбы, однако...

У Олимпиады и Терентия было трое детей. Старшая – Марина (Морозова), моя тётушка, родилась в 1940 году.

По образованию врач-педиатр, она после института и до самой пенсии работала детским врачом в Огре. Сейчас работает в Rīgas Slimokase. Двое других детей – Николай (мой дядюшка) и Татьяна (моя матушка) родились в один день и час 24 января 1950 года. Дядюшка в молодости ходил в море, потом работал в автосервисе. Сейчас на пенсии по инвалидности.

Матушка более 30 лет работала на телефонных станциях, а сейчас – сотрудница ОПТРОНа.

Дед Терентий умер в 1965 году, на Пасху. Так что я его только по рассказам и знаю. А бабушка Олимпиада дожила до 79 лет, скончалась в 1990 году. Сестра бабушки Елизавета тоже прожила всю жизнь в Риге и в ссылках не была.

Младший брат бабушки Пётр Алексеевич Скворцов до войны жил и работал в Риге на фабрике Кузнецова.

В 1941 году был призван в Красную Армию. Попал в окружение, был в Саласпилсском концлагере, За время войны был узником нескольких таких лагерей по всей Европе. Выжил потому, что умел играть на скрипке (а может быть, и на чём-то ещё...), и за это был

В переднем ряду второй слева - Пётр Алексеевич Скворцов.

на виду у лагерного начальства, пользовался небольшими привилегиями, получал паёк чуть получше, чем основная масса заключённых.

В 1945 году Пётр Алексеевич попал в Западную Германию, там поработал музыкантом в кабачке, и даже подруга-немка у него была. В школах-то во времена Первой республики немецкий преподава- ли, и, видимо, очень неплохо. Однако, являясь патриотом Латвии, он решил вернуться. За то, что вернулся, его сослали (уже Советская власть) на 10 лет то ли в Мордовию, то ли ещё-куда-то.

Вернулся в Ригу в 1953 году. Скончался в марте 1991 года.

Алексей Семёнович Скворцов, отец О. А. Скворцовой, в своей мастерской на фарфоровом заводе (бывшая фабрика Кузнецова), 1944 год.

Пётр Алексеевич был младшим и последним из большой семьи Скворцовых.

Надо сказать, что к моей бабушке и её семье судьба была более благосклонна, чем к остальным родственникам. Остальные пережили ссылки, лагеря, войну, смену властей, ГУЛАГ, расстрелы...

О **Милице Трофимовой**
рассказывает Дмитрий Олегович Трофимов, сениор русской студенческой корпорации Fraternitas Arctica:

Моя бабушка, Милица Владимировна Трофимова, в девичестве Храмцова, родилась 15 июля (2 июля по старому стилю) 1909 года. Произошло это в местечке Дуббельн, нынешняя станция Дубулты в городе Юрмала. Бабушка была младшей дочерью коллежского асессора Владимира Васильевича Храмцова, инженера-электрика, и Ольги Александровны, в девичестве Преферанской.

Семья снимала семикомнатную квартиру в доходном доме на улице Безделигу 1а, а на лето переезжали на дачу в Дуббельн.

Владимир Васильевич служил государственным инспектором телефонной сети, а по совместительству работал главным механиком на железной дороге. Со своей женой он познакомился в Москве, будучи главным инженером Московской телефонной станции, на которой Ольга Александровна работала телефонисткой. Детство бабушка провела в Риге, хотя уже в 1915 году семья была вынуждена уехать в эвакуацию в Сергиев Посад, в Подмосковье.

В Латвию семья Храмцовых вернулась лишь в 1919 году, потеряв при пересечении границы все семейные драгоценности и реликвии, за исключением нескольких икон, которые революционные матросы не сочли достойными внимания. По приезду прадед, пользовавшийся заслуженным уважением не только как специалист, но и как преподаватель, получил гражданство вместе с семьей, и они поселились в том же самом доме, но уже в меньшей квартире, так как прадед быстро вышел на пенсию и доходы семьи были совсем небольшими. Оба родителя знали немецкий и французский языки и с детства учили своих дочерей иностранным языкам.

Трудно сказать, по какой причине, но в Риге маленькую Милу, или Милочку, как её называли в семье, определили учиться в немецкую гимназию, которую она и закончила.

После гимназии Милица поступила в Латвийский Университет, на филологический факультет со специализацией германистика.

Милица Владимировна Храмцова в начале 30-х годов.

Закончила учёбу лишь в 1941 году, так как вынуждена была работать, кстати говоря, тоже телефонисткой, как и мать. Учась в университете, в 1932 году бабушка вместе с другими своими подругами, стала основательницей русской студенческой корпорации Sororitas Tatiana, была секретарём этой корпорации и стала одной из тех Татьян, которые восстановили корпорацию в 1990 году.

В активной деятельности Sororitas Tatiana на ниве сохранения и приумножения русской культуры нашла себя и моя бабушка. Татьянинские балы, Дни русской культуры, лекции в русских школах – во всём этом Милица Владимировна принимала активнейшее участие. Другая моя бабушка, Маргарита Васильевна Белоусова, вспоминает: «Первый раз с Милицей Владимировной я познакомилась ещё тогда, когда училась в школе. Татьяны приезжали к нам с лекциями, и одну из них, о творчестве Пушкина, как раз она и читала.»

Эта просветительская деятельность нашла своё отражение и продолжение в жизни моей бабушки после II Мировой войны.

4 августа 1937 года моя бабушка вышла замуж за своего давнего поклонника Виталия Викторовича Трофимова, сениора русской студенческой корпорации Ruthenia, при котором эта корпорации получила признание и стала носить свои цвета открыто. По этому поводу на Татьянинском балу в январе 1938 года в шутливом «Энциклопедіческом словаре Брокхауза» было написано: «Трофимова – Подруга Зевса рутенскаго Олимпа».

11 января 1943 года у бабушки родился сын Олег, мой отец. Шла война – не лучшее время для рождения детей, но так уж распорядилась судьба.

Свадебное фото М. В. Трофимовой, 1937 год.

После того, как линия фронта продвинулась ближе к Риге, бабушка с ребенком переехала на хутор, недалеко от Вентспилса, и оказалась в Курляндском котле. Кроме бабушки, там жило ещё несколько семей беженцев, и она вспоминала эти дни с изрядной долей юмора. На хуторе регулярно появлялись то немцы, то партизаны, и Милица Владимировна с её ледяным спокойствием, умением убеждать и отличным знанием немецкого и русского языков выступала при этих визитах посредником между хозяином хутора и очередными «гостями», регулярно являвшимися что-нибудь реквизировать. Ближе к концу войны дед был вынужден бежать из Латвии, бабушка же отказалась и осталась в Латвии.

Вернуться в Ригу в мае 1945 не удалось – квартира на Слокас 5 была занята «советскими», вещи разграблены, и бабушка находит себе работу учительницей в средней школе № 5 города Вентспилса. После этого вся её жизнь – это преподавание.

С 1946 года бабушка снова в Риге, работает лектором немецкого языка в Латвийском Государственном Университете, потом учительницей в средней школе № 1, позднее в вечерней школе, а в 1955 году переходит на работу в Рижский медицинский институт, где и преподаёт до самого выхода на пенсию и даже немного после того.

В начале 80-ых бабушка работает методистом в Методическом кабинете Министерства высшего и среднего образования, но постоянная работа уже невмоготу, и бабушка продолжает свою деятельность уже в качестве репетитора, дает частные уроки немецкого языка. Множество людей, учившихся у неё, вспоминают Милицу Владимировну добрыми словами. Она была не просто

знающим и умелым преподавателем, но и любимым учителем для многих её учеников. Всегда спокойная, тактичная, легко находившая контакт со своими учениками, да и вообще с людьми, бабушка была учителем от Бога, учителем с большой буквы, и, встречаясь с её учениками, я слышу от них только слова признательности и благодарность за всё, что она сделала для них.

Моя бабушка не была героем, она не стала профессором или академиком, не выслужила премий и орденов, но после её смерти, 13 сентября 1994 года, на её похороны пришли не только друзья и родственники, на её похороны пришли сослуживцы, ученики и студенты.

Пришли с искренней скорбью в сердцах, не по приказу и не по обязанности… Пришли потому, что любили и помнили.

Милица Владимировна Трофимова похоронена на кладбище Плескодале вместе с моим отцом, Олегом Витальевичем Трофимовым, пережившим свою мать всего лишь на три года.

Пусть земля будет им пухом.

Аминь.

Рассказываем об инженере Г**еоргии Васильевиче Никитине**

За работой в Департаменте шоссейных и грунтовых дорог. 1934 год.

Георгий Васильевич Никитин родился в 1902 году под Варшавой, в г. Новый Двор в многодетной семье купеческой династии Никитиных – у него было 3 брата и 2 сестры.

В 1906 г. его родители переехали в Ригу, и Георгий Васильевич поступил в Реальное училище Петра I. Сейчас в этом здании находится электротехнический факультет Латвийского Техничес-кого университета. В 1915 г. при подходе немецких войск в к Риге училище было эвакуировано в глубь России, а Георгий Никитин был переведен в Ломоносовскую гимназию, которую и закончил в 1919 году.

Затем – годы учебы в Латвийском университете, диплом инженера-строителя. В середине 20-х годов XX века в поисках работы Георгий Васильевич был вынужден уехать в Аргентину, где участвовал в проектировании и строительстве метро в Буэнос-Айресе. Из-за экономического кризиса строительство было приостановлено, и в 1933 году Георгий Васильевич вернулся в Ригу. В 30-е годы он работал в Латвийском Департаменте шоссейных и грунтовых дорог. В 1942 г. у него родился сын Андрей, который впоследствии также выбрал специальность инженера-строителя. С 1945 года Георгий Васильевич Никитин работал в тресте «Мостострой».

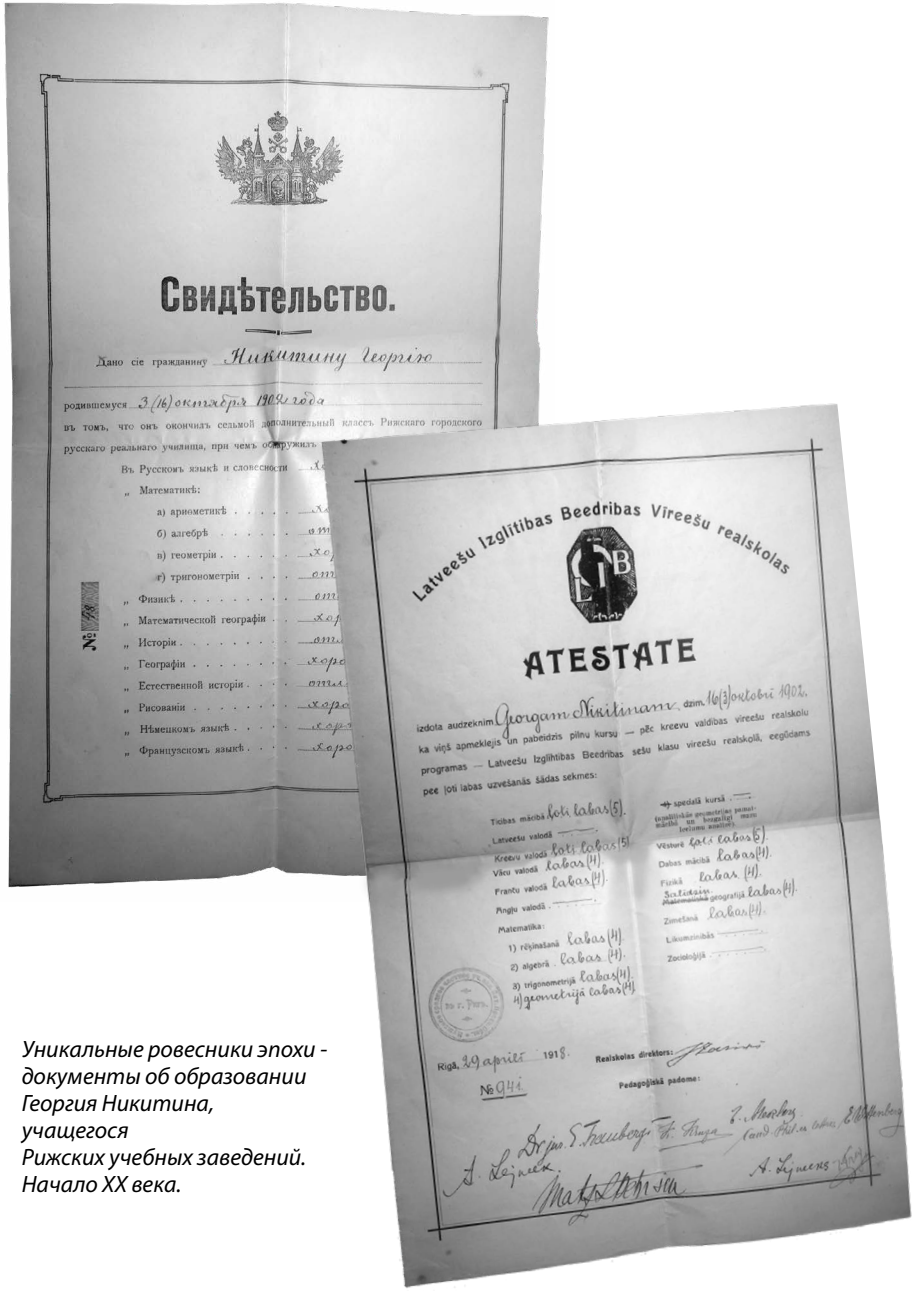
Г. В. Никитин. 1955 год.

В марте 1949 г. вместе с родителями и сестрой он был репрессирован и выслан в Западную Сибирь, в г. Каргасок. После нескольких страшных лет Георгий Васильевич был переведен на

Рабочее удостоверение личности Георгия Васильевича Никитина, инженера-строителя аргентинского метрополитена. 1929 год, Буэнос-Айрес.

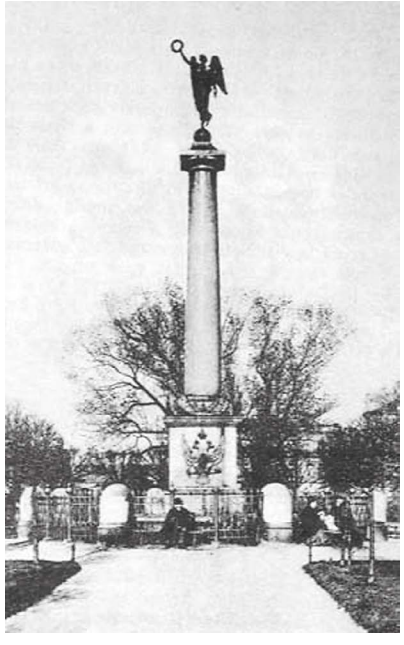
инженерную работу, и по его проекту был построен речной вокзал в псевдорусском стиле – единственный такого рода на всей Оби.

В 1958 году, после полной реабилитации, Георгий Васильевич вернулся в Ригу и работал заведующим Отдела строительства и архитектуры Рижского горисполкома. Выйдя на пенсию, он много работал в архивах, библиотеках, изучал давно забытые исторические факты, путешествовал по всему Советскому Союзу.

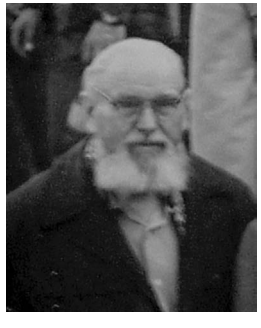


Уникальные ровесники эпохи - документы об образовании Георгия Никитина, учащегося Рижских учебных заведений. Начало XX века.

Свободное владение иностранными языками, обширная эрудиция, а также неутомимость исследователя позволили ему тщательно изучить судьбу памятников и примечательных мест, связанных с историей русской Риги.



Историк и краевед, горячий патриот Риги, Георгий Васильевич Никитин долгие годы собирал и хранил эти материалы, и на основе его изысканий еще в советское время в газете «Советская молодежь» появились первые публикации о памятниках Петру Первому и Барклаю де Толли, о колонне Победы и других памятниках русской культуры на территории Латвии.



Георгий Васильевич Никитин. 80-е годы XX века.

Георгий Васильевич скончался в 1987 году и похоронен на кладбище Лачупе.

Воспоминания об искусствоведе **Лидии Августовне Рудзите** (1921-2006)

Лидия Августовна Рудзите (урожд. Жейбе) родилась 2 апреля 1921 года в селе Сыренец (тепер. Васкнарва) на берегу Чудского озера на территории Эстонии. Примечательно, что рождение ребенка произошло в больнице женского монастыря в Пюхтицах, и крестной матерью стала настоятельница монастыря мать Рафаила. Отец девочки, латыш из Мадонского уезда, был директором местной школы, мать происходила из русского рода зажиточных мещан.

Рисунок из альбома ученицы 4 класса Рижской правительственной гимназии Лидии Жейбе с отметкой учителя рисования Евгения Климова. 1936-37 уч. год.

В конце 20-х годов семья переехала в Латвию и поселилась в Латгальском предместье Риги недалеко от фарфоровой фабрики Кузнецова. Здесь же Лидия и ее старшие братья Александр и Николай пошли в школу. Дети получили образование в русской рижской основной школе № 7, где какое-то время преподавал их отец, а затем в гимназии.

Лидия поступила в Русскую правительственную гимназию в 1934 году. Гимназия располагалась вначале в здании на ул. Лачплеша, затем на ул. Акас. По сохранившемуся аттестату можно представить себе высокий уровень образования, который был в то время. Дети изучали русский язык и литературу, немецкий, латынь, химию, изобразительное искусство и историю искусства, математику, историю, латышский язык, литературу и другие предметы. Директором школы был Гербаненко, украинец по происхождению, и, по воспоминаниям мамы, на торжественных мероприятиях школы всегда звучали украинские народные песни, которые он слушал со слезами на глазах.

Подруги Г. Гордина, Неля Малелло, Зоя Циболовская, Ната Адлерберг, Люся Иогансон, Серафима Гарбе, Таня Поташкова, Т. Исаченко, Лида Жейбе (первая слева), Нина Мейер. 1940 год.

В одном классе учились девочки из разных по социальному уровню семей, но атмосфера была дружеская. Через всю жизнь пронесли гимназическую дружбу одноклассницы Лида Жейбе, Зина Денисова, Нина Мейер, Ната Адлерберг, Надя Рабчевская и другие. Как бы ни сложились судьбы, они часто встречались, поддерживали друг друга, сохраняя до сих пор общность интересов и взглядов. До последних дней с мамой рядом были близкие подруги юности Ира Горшкова и Ира Чернобаева.

В гимназии строго следили за внешним видом гимназисток. На уроки полагалось приходить в форме – синем платье с белым воротничком и фартуке, нельзя было носить украшения, шелковые чулки и высокие каблуки. Нередко инспектор линейкой самолично проверял высоту каблука и отправлял домой особенно смелых модниц. Среди учителей маме запомнился строгий преподаватель математики, наводящий страх на менее способных к точным наукам учениц. Противоположностью ему был добродушный священник, преподававший Закон Божий. Возможно, благодаря ему на всю жизнь

мама сохранила православную веру. Перед каждым экзаменом она бегала молиться в собор перед образом Иверской Божией матери, которую называла Богоматерь с незабудками, так как оклад иконы был ими украшен в те времена. Вспоминала мама и священника Иоанна Поммера, недавно причисленного к лику святых: и то, как всем классом они приезжали к нему домой в Межапарк, и дни после страшной гибели, и траурную церемонию, в которой участвовали гимназисты.

Любимым предметом в гимназии было изобразительное искусство. Часто вспоминались уроки рисования Евгения Евгеньевича Климова, его захватывающие лекции по истории искусства. Сохранился гимназический альбом рисунков с отличными отметками, поставленными его рукой. Серьезные занятия изобразительным искусством, музыкой заложили уже в гимназические годы у Лидии желание выбрать профессию, связанную с культурой и искусством. Однако осуществить это сразу после окончания гимназии в 1940 году

Лидия Жейбе - ученица Рижской основной школы № 7. 1933 год.

не удалось. Началась война, нарушив привычный ход жизни. Только после войны, уже в советское время, в 1945 году Лидия поступила в Латвийский государственный университет на филологический факультет на отделение истории искусства. В 1946 году она вышла замуж за друга юности Евгения Рудзита, с которым познакомилась еще в гимназические годы во время участия в слетах скаутов и гайд.

После окончания университета мама стала работать в литературном музее, затем работала в Министерстве культуры и в Государственном художественном музее (теперь Латвийский Национальный художественный музей), где с 1964 года занимала ответственную должность Главного хранителя фондов. В течение 20 лет музей был для нее вторым домом, а музейная работа – любимым делом. Уже после выхода на пенсию она внимательно следила за жизнью музея, посещая все выставки и мероприятия, часто приходя в музейные залы посмотреть на любимые полотна.

Заложенные в юности в гимназические годы нравственные нормы и всестороннее образование сформировали широту взглядов, терпимость, чувство ответственности, высокий уровень интеллигентности, многообразие интересов, духовность. Интеллигентность и тактичность мамы отмечал даже персонал больницы в последние месяцы ее жизни.

Глубокие знания в области латышской и русской культуры, полученные в гимназии, дали возможность маме, как и другим выпускникам гимназии, чувствовать себя свободно и органично в любой среде, а также понимать и принимать людей другой культуры.

Рассказ о **Вере Константиновне Витковской**

Судьба женщины, рожденной в Латвии в начале 20-х годов прошлого века, судьба моей мамы, Веры Константиновны Витковской...

Ее нет на свете более десяти лет, и уточнить детали ее рассказов уже не у кого. Многое помнится лишь отдельными кусочками, поэтому рассказ о маме будет напоминать старинную мозаику с невозвратно утраченными фрагментами.

Родилась 8 октября 1922 года в Режице (ныне г. Резекне) в семье капитана Латвийской армии, но даже здесь не обошлось без курьеза: запоздав на неделю с регистрацией новорожденной, мой дедушка не придумал ничего лучше, чем записать днем рождения мамы 12 октября.

Переезд семьи в Ригу. Жизнь сначала на съемных квартирах на улицах Нометню и Дартас. Учеба в 9-й основной школе. Постройка своего домика на улице Эрнестинес. Сэкономив на архитекторе, дедушка получил не очень удобный дом, но жизнь в нем кипела. Мама с юности видела в нем артистов театра Русской драмы, писателей. Затем мама поступила в Ломоносовскую гимназию и в полной мере ощутила на себе отношение Ульманисовской Латвии к русскому образованию – гимназия, лишенная своего здания, скиталась с одной улицы на другую, снимая помещения для занятий, но об этом, возможно, лучше расскажут выжившие в катаклизмах XX и XXI веков выпускницы гимназии. Моя же задача – рассказать о маме.

Пятнадцатилетней девочкой ей удалось побывать в фашистской Германии в Любеке и в Гамбурге. На лесовозном судне компании, в которой работал бухгалтером дедушка, его жене и дочери под видом буфетчиц хозяин разрешил устроить поездку. В памяти мамы переплелись восхищение зоопарком Гагенбека и внезапный ужас, охвативший ее, когда они случайно попали на площадь, где выступал один из гитлеровских партийных бонз. Шел дождь, но люди в толпе не имели права открыть зонты, а площадь оказалась оцепленной и уйти до конца митинга было невозможно. Сильнейший шторм, в который

Ученица Правительственной гимназии Вера Витковская в 1935 г.

судно попало на обратном пути, запомнился грохотом одинокого балластного бревна и тем, что капитан, махнув рукой, ушел с мостика в свою каюту.

В 1939 году соседи-немцы уезжают в Германию и предлагают моим предкам сделать то же. Дедушка категорически отказывается.

Лето 1940 года... В Ригу входят части Красной Армии, но жизнь в городе продолжается, учеба в гимназии – тоже. Бабушка знакомится с командирскими женами, с которыми многие русские не хотели общаться, и учит их, бывших деревенских и фабричных девчонок, мод-но одеваться и вести себя в обществе. Гимназическая жизнь бьет ключом. В довершение всего маме предлагают принять участие в кинопробах и предлагают уехать в Грецию, но образование не завершено и она отказывается. Из Ленинграда знакомые привозят книгу о Восточной Сибири.

Июнь 1941 года... В гимназии идут выпускные экзамены и остается сдать всего один – по немецкому языку. В ночь на 14 июня в дом приходят военные: командир из местных и солдатик из Средней Азии. 15 минут на сборы. Бабушка потерянно мечется по дому, хватая бесполезные вещи, а мама сохраняет спокойствие и, заметив, как командир сует под свою планшетку бабушкины золотые часики, улучает момент и вытаскивает их оттуда (часики эти, кстати, до сих пор хранятся у нас дома). Затем станция Торнякалнс, теплушка...

... и в 1940 г.

О начале войны известие приходит уже под Свердловском, где на станции скопились эшелоны с вывезенными с Западной Украины. Конечный пункт этого этапа – деревня в Канском районе Красноярского края, куда старенький пароходик отвозит высланных, и возглас в толпе зевак: «Да они же тоже люди?!» В группе

спецпоселенцев горожане, и одна из девочек при виде теленка говорит: «Какая большая собака!»

В первый голодный год вся семья еще вместе, но скоро мужчин отправляют в лагерь, а хорошенькой спецпоселенке молодой офицер НКВД советует не отказываться от предложения выехать на Крайний Север, так как на магистрали очень голодно. И мама с бабушкой отправляются через Енисейские пороги на север на Нижнюю Тунгуску, в центр Эвенкии, в поселок Тура. Мама попадает на реку, о которой читала еще в Риге и попасть на которую мечтала. Живут в землянке. Бабушка работает в швейном цехе и выполняет частные заказы для жен офицеров НКВД, а маму жизнь носит по этой самой Нижней Тунгуске: сплав плотов с сеном и ягодами через пороги (она – лоцман), работа поваром на звероферме. Но случается беда: проболев шесть недель воспалением легких, мама попадает под суд за саботаж – уничтожены ее больничные листы. Маму вдвоем с конвоиром отправляют за 500 километров в Норильлаг. Винтовку несут по очереди... По дороге мама исхитряется послать письмо в Москву Калинину, и происходит чудо – письмо доходит!

Через год маму возвращают в Туру на пересуд. В цех к бабушке прибегают и сообщают: «Беги скорее! Там твою Веру привезли, она от голода опухла!» А на маме в сорокаградусный мороз ватник нараспашку. Она в Норильске работала в подсобном хозяйстве и, мягко говоря, не похудела. Теперь на скамье подсудимых сидят те, кто сжег больничные листы, но не догадался уничтожить их корешки. Происходит рокировка – теперь в Норильлаг отправятся они.

Жизнь продолжается по-прежнему. Вечерами накат над землянкой ходит ходуном от хохота на зависть соседям. У Вит-ковских собираются самые разные люди, а у бабушки открылся талант гадалки и ее карты позволяют получить еще немного продуктов.

К 1949 году приходит весть о том, что дедушка освободился из лагеря Решеты и живет в поселке Кайтым Тасеевского района. Семья вновь собирается вместе. ...Знакомство мамы с моим будущим отцом – офицером-танкистом, орденоносцем, не приносит счастья обоим. Федора Николаевича за связь с ссыльной исключают из партии и увольняют из армии. Как образованного человека, его отправляют работать в торговую сеть, но его неопытность позволяет дельцам подставить его, и я вижу своего отца впервые уже тогда, когда пошла

в школу. Высокий, молчаливый человек, работающий, несмотря на военную контузию, трактористом. Через два года родители разводятся. Причина мне мне не совсем ясна, но мама говорила: «Лучше Федора я не найду, а другой мне не нужен». И больше замуж не вышла.

Вот так сложилась жизнь у городской девочки, внучки председателя уездного дворянства из-под Уфы – она работала на лесоповале и на сплаве, поваром, лоцманом на Нижней Тунгуске, преподавала математику в фельдшерской школе, была нормировщицей на лесозаготовительном участке, завмагом в сельпо, кладовщиком на Рижском светотехническом заводе. Умела готовить, шить, вязать (и кофты, и плоты!), сложить печку в бане, построить теплицу и покрыть дранкой крышу на доме. И никогда не роптала, а говорила: «Спасибо «отцу народов» за ссылку, ибо в оккупации семья при ее характере не уцелела бы!». Жалела только о том, что не смогла получить образование, потому что ссыльным учиться не разрешали.

Вернувшись в Ригу в 1966 году и встретив своих бывших одноклассниц, мама во многих из них разочаровалась: «Мне с ними не о чем говорить. Они ничего не видели в жизни, кроме своих квартир» – вот ее слова. Но и с теми, кто вернулся из ссылки, она отношений не поддерживала, вспоминая, как многие из них радовались в годы войны немецким победам.

Умерла мама тихо и незаметно – просто заснула, обозначив для меня 22 апреля 1996 года, как черный день. Прошло уже 12 лет, а я иногда ловлю себя на мысли, что хочу поделиться с ней какими-то новостями или чем-то увиденным. Она для меня была не только мамой, но и сестрой (нас часто принимали за сестер), и жизнерадостным попутчиком в поездках по Прибалтике «дикарями», и просто очень хорошим другом. Мы даже курили тайком от бабушки в подвале нашего дома. Ушел светлый и мужественный человек...

Надежда Витковская, математик

Выпуск 1941 года, пожалуй, был самым трагичным в истории довоенных гимназистов. Их жизнь и судьбы, мечтания и надежды в один миг перечеркнула война. Распались семьи, растерялись друзья, многие оказались по разные стороны фронта. По-разному сложился их путь, многое пришлось пережить, но всех их до самого преклонного возраста объединяла удивительная жизненная стойкость, умение находить выход из самых сложных ситуаций и готовность помочь друг другу.

Вспомним некоторых из этих удивительных и таких разных людей...

...Вера Витковская и Владимир Мирский, Татьяна Шервинская и Наталия Рябушинская, Тамара Власова, Ольга Матвеева, Ирина Наркевич, Леонида Назарова, Ирина Грасман, Александра Павловская и Мария Дашкова... это все выпускники Правительственной гимназии 1941 года.

Таня Шервинская, дочь известного рижского архитектора М. Шервинского, свои школьные годы начинала в частной гимназии Тайловой. Позже к ней присоединилась Наташа Рябушинская, потомок известнейшего в России рода Рябушинских, которая вместе с матерью Елизаветой Павловной выжила благодаря бегству в Латвию в 20-х годах прошлого века. Их одноклассницы и гимназические подруги – яркая, остроумная Вера Витковская, веселая Оля Матвеева, певунья Тамара Власова, музыкальная Ира Наркевич, сестры Ирина и Надежда Грасман. Многие годы они регулярно собирались в дружеском кругу, чтобы вспомнить былое и обсудить настоящее. Среди них – художники и врачи, архитекторы и делопроизводители, специалисты своего дела и просто домохозяйки, хорошие матери, жены и бабушки.

Многих уже нет с нами, но судьба их поколения, их рассказы и воспоминания никогда не оставят равнодушными их детей и внуков.

СОДЕРЖАНИЕ

Из дневника историка Т. И. Павеле (урожд. Асташкевич) 4

Рассказывает инженер И. В. Горшкова 18

Из гимназического дневника врача М. В. Салтупе (урожд. Морозовой) 24

Н. Ф. Ильянок (урожд. Будылина) вспоминает 28

«Повороты и перекрестки». Рассказывает кандидат медицинских наук И. Д. Чернобаева 35

Из поэзии ученицы Правительственной гимназии Г. К. Мерполь 41

Внук О. А. Скворцовой А. Войтенков – о семье своей бабушки 42

О М. В.Трофимовой рассказывает Д. Трофимов, сениор русской студенческой корпорации Fraternitas Arctica 45

Рассказываем об инженере Г. В. Никитине 49

Воспоминания об искусствоведе Л. А. Рудзите 53

Рассказ о В. К. Витковской 57